

культурным акружэннем пашырыць магчымасці выкарыстання зместу этнічнай культуры.

1. Кахноўская, А. В. Мадэляванне прасторы этнакультурнага выхавання дзяцей ва ўмовах установы дашкольнай адукацыі: аўтарэф. дыс. ... канд. пед. навук: 13.00.01 / А. В. Кахноўская; Нац. ін-т. адукацыі. — Мінск, 2019. — 28 с
2. Панькин, А. Б. Этнокультурная коннотация содержания образования в условиях реализации концепции стабилизирующей модернизации [Электронный ресурс] / А. Б. Панькин. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-konnnotatsiya-soderzhaniya-obrazovaniya-v-usloviyah-realizatsii-kontseptsii-stabiliziruyushey-modernizatsii/viewer>. — Дата доступа: 27.11.2019.
3. Позняков, В. В. Конструирование воспитательного пространства / В. В. Позняков // Проблемы выхавання. — 2006. — № 5. — С. 4–8.
4. Позняков, В. В. Систематическое единство культуры / В. В. Позняков // Чалавек, грамадства, свет. — 2003. — № 1. — С. 80–93.

Колядко Илья Николаевич

магістр філасофскіх навук, прапедаватэль кафедры філасофіі і метадалогіі навукі факультэта філасофіі і сацыяльных навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

**Социально-антропологический кризис
постсовременности в метафизическом проекте
М. Хайдеггера**

Современное состояние общества, культуры и человека нередко характеризуют как кризисные, связанные с перманентными, стремительными трансформациями фундаментальных оснований человеческого бытия. В условиях формирования нового типа общества — информационного — все в большей степени размываются традиционные формы идентификации людей, формируются новые, связанные с лавинообразным развитием средств коммуникации и виртуальных технологий, идентификационные матрицы, что неизбежно приводит к актуализации дискуссий о культурно-мировоззренческих, ценностно-идеологических последствиях подобных трансформаций. Встает вопрос о сущности и базисных основаниях социальности и культуры, ценностях и идеалах общественного развития, факторах социодинамики. Важной является проблема репрезентации ключевых параметров и экзистенциальных паттернов собственно человеческого «бытия-в-мире». Совокупность обозначенных проблем в их взаимосвязи и системной целостности может быть определена как социально-антропологический кризис постсовременности, а путеводной нитью, задающей ориентации возможных моделей разрешения кризисных для культуры явлений выступает знаменитый кантовский вопрос о том «что есть человек?» [2, с. 332-333].

Одной из значимых концептуальных моделей, направленных на экспликацию факторов социально-антропологического кризиса и выявление сущностных параметров бытия человека и культуры является метафизический проект М. Хайдеггера. В центре внимания немецкого философа стоит

проблема бытия или, как отмечает сам философ, одновременно выявляя истоки современного состояния культуры, «кризис западной философии и культуры связан с отождествлением бытия с сущим», то есть с тем, что философ кратко называет «забвением бытия»: «Люди все равно считают себя избавленными от усилий снова разжигаемой *γυμνομαχία περί της ουσίας*» [4, с. 2-3]. Бытие или, что более верно, познание бытия, согласно М. Хайдеггеру, доступно только человеку, призванному «вслушиваться в зов бытия», преодолевая предметное ограничение как обыденного восприятия, так и современного мира науки и техники. Свой проект «метафизического вопрошания» мыслитель выстраивает таким образом, что в центре внимания оказывается человек и те структуры его экзистенции, которые конституируют особый мир — ценностно-смысловую, истинностную сферу его существования. Последняя оказывается возможной только на том основании, что человек, единственный из всего, что действительно бытийствует, наделен мышлением, то есть способностью путем «осмысляющего раздумья» [5, с. 104-105] преодолевать «естественные установки» и «самоочевидности» сознания и, только таким образом, трансцендировать конечность и временность своего Dasein.

Обращаясь к конкретизации параметров социально-антропологического кризиса М. Хайдеггер осуществляет их аналитику путем выявления «подлинных» (аутентичных) и «неподлинных» (неаутентичных) форм человеческой экзистенции, отмечая, при этом, что увеличение числа последних прямо пропорционально процессам возрастания ценности научной — в сфере мировоззренческой — и технико-технологической — в сфере культуры — рациональности. Критерием дифференциации Dasein на «подлинное» и «неподлинное» выступает у философа, прежде всего, то, как трактуется сам человек: в одном случае — как сознающий свою историческую ограниченность, конечность и, вместе с тем, свободу, в другом случае — как вещь, бытие которой всецело детерминировано и лишено мышления как способности к реализации свободы. «Подлинные» экзистенциалы, трактуемые в качестве «бытийных черт присутствия» [3, с. 65] суть такие его модусы как: «бытие-в-мире» (In-der-Welt-sein), забота (die Sorge), заброшенность (Geworfenheit), находимость (Befindlichkeit), страх (Angst), понимание (Verstehen), речь (Rede), настроение (Stimmung). К «неподлинным» модусам Dasein мыслитель относит такие как: «всепронизывающая повседневность» (durchdringliche Alltäglichkeit), распад (Verfallen), болтовня (Gerede), любопытство (Neugierigkeit), двусмысленность (Zweideutlichkeit), «люди» (das Man) [1, с. 178-203]. Изменение образа мышления и отношения к сущему, согласно М. Хайдеггеру, должно состоять не в том, чтобы, исходя из субъекта, продуцировать «картины мира» сущего, а в том, чтобы дать слово (Логос) самому Бытию. Экзистенциалы, как отмечает в этой связи Ю. А. Разинов, и есть такие базовые структурные элементы сущего, которые позволяют «выделить такую реальность, в которой Бытие само бы уже сказалось, сказавшись различным образом: например, в том, что само “выболталось” в

человеческой речи при повседневном обсуждении сущего, или в том, как это сущее впоследствии было оговорено в онтологических понятиях (категориях)» [3, с. 64]. Именно экзистенциалы как бытийные модусы задают смысловой горизонт человеческого «бытия-в-мире» как реальности особого типа, не сводимой ни к предметным ограничениям научного мироистолкования, ни к повседневным стереотипным когнитивным схемам восприятия.

Феноменологически эксплицируя подлинные и неподлинные экзистенциалы человеческого бытия, М. Хайдеггер усматривает квинтэссенцию социально-антропологического кризиса в том, что человек все в большей степени отказывается от своего предназначения — выражать истину о бытии в мышлении и, будучи потенциально свободным, созидать осмысленный «жизненный мир». Кризис, таким образом, эксплицируется в качестве состояния отчужденности человека от своей сущности, которая, в свою очередь, определяется тем, что только через человека и его мышление сказывается Истина о Бытии. Путь, на котором оказывается возможным постижение истины о человеке и смысле, это путь не «бегства от мышления», выступающий одновременно и как «основа для бездумности» [5, с. 103], а путь метафизического вопрошания, приводящий человека к осознанию им своей «глубочайшей сущности, именно того, что он есть размышляющее существо» [5, с. 111].

1. Дугин, А. Г. Мартин Хайдеггер. Последний Бог. — М.: Академический проект, 2014. — 846 с.
2. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям 1800 / И. Кант // Трактаты и письма. — М.: Издательство «Наука», 1980. — С. 319–444.
3. Разинов, Ю. А. Понятия категории и экзистенциала в философии М. Хайдеггера / Ю. А. Разинов // Вестник Самарского государственного университета. — №1 (11). — 1999. — С. 57–67.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер // Перевод с нем. В. В. Бибихина. Изд. 3-е, испр. — СПб.: «Наука», 2006. — 452 с.
5. Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред. А. Л. Доброхотова. — М.: Высш. шк., 1991. — С. 102–111.

Курбатов Дмитрий Андреевич,

Курбатов Александр Андреевич

Студенты факультета архитектуры и дизайна Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета

К.С. Малевич и православная икона

Некоторые из исследователей нашего художественного наследия обращают внимание на связь православной иконописи и супрематических картин Малевича. Хотя это зачастую можно обнаружить лишь в рамках искусствоведческой дескрипции, что не может отразить сходство и различия семантической наполненности иконы и супрематической живописи.

В анализе иконы традиционно выявляют два основных пласта: светский и сакральный. При этом важно учитывать, что второй пласт, откры-